ШТАНЫ

Цикл новелл

БОРИС КОЛМОГОРЦЕВ

Борис Колмогорцев

Штаны

«Автор»
2026

Колмогорцев Б.

Штаны / Б. Колмогорцев — «Автор», 2026

В мае 1971 года семнадцатилетний математик получает из ателье выпускной костюм, в котором брюки сшиты задом наперёд: сзади пусто, а на правом бедре вздулся пузырь. Мать, привыкшая мерить работу в долях миллиметра, роняет: «Может, это так носят». Отец, у которого даже безобразие висит на плечиках по правилам, говорит: «Неси». Дальше цикл из пяти новелл идёт за этими брюками через полвека. Младший брат распарывает их, снимает лекало и берётся за иглу: сначала шьёт из отцовского плаща, потом делает джинсы из парусины и дублёнки. Мастерскую, которую он открыл, в девяносто третьем закрывают рынки. Одноклассницы прячут от завуча тёплые брюки. В 2026 году, перед встречей выпускников в Zoom, рассказчик заказывает штаны на маркетплейсе и в примерочной видит тот же пузырь, теперь модный. Это смешная и тёплая семейная история о том, что в жизни не исправляется, а просто носится.

© Колмогорцев Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Штаны. Цикл новелл 5
Пролог. Закон сохранения штанов 5
Новелла первая 6
Брюки, скроенные задом наперёд 6
Пришлый 7
Заказ 8
Примерка 9
Отец 10
Расстрел 11
Выпускной 12
После 13
Новелла вторая 14
Лекало для брата 14
Линейка и ножницы 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Борис Колмогорцев
Штаны

Штаны. Цикл новелл

Пролог. Закон сохранения штанов

У каждого человека есть предмет одежды, который он помнит дольше первой зарплаты и первой любви. У одного это школьная форма, у другой свадебное платье, у третьего носки, связанные бабушкой, которые кололись так, что до сих пор чешется. У меня это брюки.

Литература, надо сказать, к штанам всегда относилась серьёзно. Гоголь не мог пройти мимо шаровар шириною в Чёрное море: у него они и характер, и социальный статус, и повод для смеха сквозь слёзы. Немец Виллибальд Алексис написал целый роман про штаны господина фон Бредова. Олдос Хаксли заставил героя «Шутовского хоровода» изобретать брюки с воздушной подушкой. Испанец Тирсо де Молина вывел на сцену Дона Хиля Зелёные Штаны, а итальянка Лара Карделла отправила героиню в монастырь в надежде, что там под рясами носят брюки. Американка Энн Брашарес доверила четырём подругам одну пару джинсов на всех, а Кэт Кларк поручила подростку Ливу борьбу за право носить штаны вместо школьной юбки.

Вывод напрашивается сам: штаны такой же сквозной сюжет мировой литературы, как любовь и смерть. Только смешнее. Любовь и смерть люди стараются переживать достойно, а штаны как получится.

Моя история в этой в этой литературной компании не самая великая. Зато правдивая. Она началась в мае 1971 года, на примерке, и закончилась... собственно, не закончилась. Брюки, как выяснилось, не заканчиваются. Они только меняют фасон, а иногда и форму пузыря.

Читатель, будьте снисходительны: речь идёт о семнадцатилетнем мальчике, пузыре на бедре и пяти десятилетиях последствий. Смейтесь без стеснения. Я сам смеялся, только не сразу. Лет через сорок.

Новелла первая

Брюки, скроенные задом наперёд

В математической школе нас учили, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Про брючины никто не уточнял.

Пришлый

Надо сказать, что в математической школе я был пришлым. После восьмилетки, где нравы были проще, а брюки назывались брюками, я попал в класс, где у половины мальчиков отцы были кандидатами наук, а у другой половины докторами. В моей прежней школе одежду делили на две категории: «целое» и «порванное». Вопросов о фасоне никто не задавал, поскольку фасонов не было. Здесь же пиджак обсуждали с тем же выражением, с каким решали интегралы: сочувственно и без пощады.

Меня приняли быстро, за способности. Но брюки мои принимали с оговорками. Я чувствовал это кожей, вернее, штанинами.

В мае 1971 года мне было семнадцать, я заканчивал десятый класс и был влюблён. Влюблённость у математиков самая строгая: она доказывается от противного. Если она на меня не смотрит, значит, смотрит на кого-то другого, а раз так, остаётся одно: прийти на выпускной таким, чтобы смотрели все.

Для этого нужен был костюм.

Заказ

Сегодня, когда любой подросток нажимает кнопку, а через три дня ему привозят из Ozon или Wildberries три размера на выбор, трудно объяснить, что значило в 1971 году «сшить костюм». Готовые вещи в магазинах висели трёх фасонов: «сухопутный», «сельскохозяйственный» и «на всякий случай». Нормальный человек шил. Но шить означало найти того, кто сошьёт. А это уже была не коммерция, а почти дипломатия.

Мы с мамой подошли к делу как к дипломатическому приёму. Мама была главным конструктором энергетического отдела: у неё чертёж проходил через руки с допуском в доли миллиметра, а слово «примерно» считалось почти ругательством. Это была не робкая заказчица, а специалист, привыкший, что его слушают. Так, во всяком случае, мне казалось.

Родители выделили деньги, и это само по себе было событием. Материал мы выбирали два воскресенья: серо-коричневый, с едва заметной ёлочкой, ткань строгая и мужественная. Продавщица сказала, что в таком ходят «люди с будущим». Мама посмотрела на меня, потом на материал и купила.

Потом было ателье. Помню запах: утюжный пар, мел, нагретое сукно и что-то ещё, едва уловимое, как предчувствие. Закройщица, женщина с сантиметром на шее, как у хирурга с фонендоскопом, обошла меня трижды. Она ничего не спрашивала и только диктовала цифры помощнице, а та записывала их в тетрадь. Я стоял с вытянутыми руками, как распятый на уроке геометрии, и чувствовал, что с меня снимают не мерку, а показания.

— Через три недели на примерку, — сказала она. — Не раньше.

Мы ушли. Я шёл по улице и думал: через три недели начнётся моя настоящая жизнь.

Примерка

Наступил день примерки.

Мне вынесли пиджак. Он был сметан белыми нитками, как будто его только что оперировали, и сидел почти хорошо. Я уже начал улыбаться. Потом вынесли брюки.

Я надел их за занавеской. Занавеска была выцветшая, в мелкий цветочек, и я до сих пор помню этот цветочек, как последнее, что видел перед катастрофой. Я вышел, повернулся к зеркалу и замер.

На передней части бедра у меня надулся пузырь. Не складка, не сборка, а именно пузырь, круглый и торжественный, как купол. Я скосил глаза назад. Там, где должно быть то, что должно быть, не было ничего. Ткань висела уныло и плоско, как брошенный флаг.

Я понял сразу, с той ясностью, которая приходит только в семнадцать лет и только в беде: заднюю часть половинку брюк пришили на место передней, а переднюю — на место задней. Они перепутали. Кто-то в этом ателье, возможно, человек с будущим, взял две детали и поменял их местами.

От перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но брюки, как выяснилось, не слагаемые.

— Мам, — сказал я. — Посмотри.

Мама посмотрела. Она вообще умела смотреть: могла за секунду определить, соврал ты или просто не доучил. Я ждал, что она скажет: «Это что за безобразие?» Я ждал скандала, и мне нужен был этот скандал, как нужен гром после молнии. Закройщица была бы уничтожена, помощница записана в тетрадь как свидетель обвинения. Но мама промолчала. Лицо у неё стало усталым и вежливым, как у людей, которые давно привыкли, что жизнь устроена не по их чертежам.

Я понимаю её теперь. Тогда ателье было почти государственным учреждением, а закройщик почти должностным лицом. Спорить с ним значило рисковать, что костюм не будет сшит вовсе. Она растила двоих сыновей и знала цену материи, времени и нервам. Человек, всю жизнь боровшийся за доли миллиметра, сказал только:

— Может, это так носят.

Это был самый страшный приговор из всех возможных. Я чуть не заплакал.

Отец

Домой я принёс брюки как улику и бросил на стул. Для нашего дома это было почти нарушением конституции, и надо объяснить почему.

Отец был не просто аккуратным человеком. Рабочий костюм, не повешенный вечером в шкаф, был у нас событием уровня аварии на подстанции, если пользоваться маминой профессиональной меркой. Пиджак на деревянные плечики, брюки под стрелку, ботинки, крем и щётка, и всё это без единого слова, как молитва. У него был вкус. Не приобретённый, а врождённый, тихий, и этот вкус много лет прожил в стране, где вкус планом не предусматривался. Хорошее сукно отец отличал одним пальцем, дурной крой одним взглядом. К тому, что творилось вокруг, к очередям, к «фасонам на всякий случай», к витринам с одинаковыми манекенами, он относился с вежливым, давним, непоказным презрением и никогда не говорил об этом вслух. Он просто не покупал лишнего и не носил безобразного.

Носить безобразие, по его убеждению, было неприлично. Но он же понимал и другое: не всё на свете исправимо. Есть вещи, которые можно перешить, и есть вещи, которые можно только пережить. Различать их и было, кажется, высшей формой его культуры.

Он вернулся с работы, увидел брюки на стуле и смотрел на них долго, как на документ с неверной печатью.

— Ателье перевыполнило план, — сказал он наконец. — Брюк сшито ровно столько, сколько по отчёту. Что на них можно надеть, вопрос не по ведомству.

Я не засмеялся. В семнадцать юмор включается только в чужой беде.

Отец снял брюки со стула, расправил, повесил на плечики и убрал в шкаф. Даже безобразие он повесил по правилам.

— Исправить нельзя, — сказал он. — Остаётся нести. Не можешь скрыть, неси спокойно. Прячущийся человек привлекает больше внимания, чем самый большой пузырь.

Это был лучший совет в моей жизни. Я его не послушал.

Расстрел

Отцовская философия годилась для взрослых, а мне было семнадцать. Ночью я достал брюки из шкафа и сел напротив, как напротив подсудимого, и они смотрели на меня в ответ. Я гладил их. Гладил через влажную марлю, как учила бабушка, с паром, с нажимом, с надеждой. Я верил в утюг так, как верят в чудо. Математик, человек логики, а поди ж ты: логика отдыхала, работал утюг. Мне казалось, что если разгладить пузырь достаточно сильно, он осознает свою ошибку и уйдёт туда, где ему положено быть.

Пузырь не уходил. Он только блестел.

На выпускном, в моём воображении, всё выглядело так: зал, огни, гирлянды, играет вальс, и все смотрят на меня. Но смотрят совсем не так, как я рассчитывал. Они смотрят вниз. Они переглядываются. Она, та самая, наклоняет голову к подруге Лильке и шепчет, и подруга закрывает рот ладонью.

Я репетировал это каждую ночь, как математик репетирует доказательство, ища в нём изъян. Изъяна не было. Доказательство получалось железным.

В семнадцать лет горе не соразмерно причине. Оно соразмерно возрасту. Гоголь написал бы, что шаровары шириною в Чёрное море смешны. А я знаю, что один неправильный пузырь на одной правой брючине способен затмить в семнадцать лет всё Чёрное море вместе с Азовским.

Выпускной

Я пошёл.

А что мне было делать? Другого костюма не было. Времени шить новый не было. Денег тем более. Был этот и был вечер, который не отложишь.

Я шёл в школу по длинной вечерней улице в серо-коричневом костюме с едва заметной ёлочкой и нёс свой пузырь, как несут чужую вину. Я старался ступать плавно, чтобы он не колыхался. Я старался стоять так, чтобы он был в тени. Я придумал себе осанку: чуть боком, чуть вполоборота, как на старинных портретах, где человек всем видом показывает, что он здесь случайно. Совет отца, лучший в моей жизни, я выполнил с точностью до наоборот.

И знаете, что произошло?

Ничего.

Никто не смотрел вниз. Никто не шептался. Школьный ВИА, усиленный кем-то со стороны, играл вальс и танго, как и положено, учителя плакали, как и положено, а отличник Гоша пролил на себя компот и был в центре внимания до конца вечера. Та самая, ради которой я шил этот костюм, не заметила ни пузыря, ни костюма. Она, кажется, вообще не заметила меня, потому что вся светилась, глядя на кого-то у окна.

Мои бывшие одноклассники из восьмилетки, думаю, и вовсе не увидели бы разницы: там брюки или были, или нет. Но те ребята остались в прошлой жизни, а я стоял в этой, у стены, и считал свой пузырь государственной тайной.

Так устроен мир. Мы всю жизнь носим свои пузыри, свято веря, что на них смотрят все. А все заняты собственными.

Но это я понял гораздо позже. А тогда, в семнадцать, я простоял весь вечер у стены, придерживая локтем невидимый щит перед правой ногой, и считал это подвигом.

После

Больше я эти брюки ни разу в жизни не надел.

Они повисели в шкафу до осени, и никто не говорил о них вслух, как не говорят в семье о дальнем родственнике с неудобной биографией. Пиджак отец иногда носил, но с другими брюками, подобранными с тем изяществом, с каким сапёр выбирает провод. Он говорил, что пиджак «вполне ничего». Про брюки отец не говорил никогда.

И только младший брат, ему тогда было без малого четырнадцать, всё это время сидел в углу и наблюдал. Он был из тех мальчиков, у которых карандаши заточены одинаково, а линейка всегда лежит параллельно краю стола. Он видел утюг, видел меня, видел пузырь. Смотрел тихо и внимательно, как смотрит человек, нашедший ошибку в задаче и не собирающийся прощать её ни автору, ни ответу.

Однажды вечером он сказал:

— Я буду шить сам.

Не мне, пожалуй, и не маме, а скорее самой выкройке.

Я усмехнулся. Мне казалось, что я оплакиваю брюки, а он, оказывается, вынес из этого приговор целой системе.

Но это уже другая история.

Новелла вторая

Лекало для брата

Всякое великое ремесло начинается не с призвания, а с чужой катастрофы. В нашей семье катастрофа имела конкретный адрес, серо-коричневый цвет с едва заметной ёлочкой и пузырь на правой штанине, который не брал ни один утюг.

Линейка и ножницы

Когда я уехал поступать в институт, брат остался один на один с тем, что осталось от моего выпускного триумфа. Брюки висели в шкафу на деревянных плечиках, похожие на двухмерный чертёж объёмной фигуры: спереди купол, сзади унылая плоскость. Отец проходил мимо них с молчаливым достоинством служителя музея, который идёт мимо экспоната, до которого запрещено дотрагиваться: пусть висит, памятник эпохе.

Брат думал иначе.

Ему было четырнадцать. В этом возрасте люди делятся на тех, кто верит словам, и тех, кто верит только развёртке. Брат относился ко вторым. Он не любил рассуждать о том, почему в ателье работают криворукие люди. Он взял лезвие «Нева», обмотал один конец синей изолентой, чтобы не резать пальцы, и методично распорол мои выпускные брюки по всем швам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.